

Валерий ЧУМАКОВ

Схватка мальчика с нацистами продолжалась несколько секунд, а главным оружием стала скрипка.

В 1971 году в СССР о подвиге одного из самых юных пионеров-героев был снят мультфильм «Скрипка пионера». Правда, в нем мальчик предстал без имени. Наверное, сложно было объяснить, что звали маленького героя Муся Пинкензон.

МАЛЕНЬКИЙ МУЗЫКАНТ

На самом деле его звали Абрамом. Абрам Владимирович Пинкензон, но мама, Феня Моисеевна, звала сына «Абрамуся», что позже и сократилось до Муси. Так и повелось.

Родился Муся в декабре 1930 года в семье потомственного врача Владимира Борисовича (Вольфа Берковича) Пинкензона в городе Бельцы. Тогда это была еще Румыния. Только в 1940 году Бессарабия, а вместе с ней и Бельцы, вошла в состав СССР и стала Молдавией.

В городе, втором по величине в республике, семья Пинкензона была известна и весьма уважаема. Когда-то их предок Яков Пинкензон стал первым врачом первой земской больницы города. С тех пор почти все Пинкензоны посвящали свою жизнь медицине. Владимир Пинкензон, отец героя, был хирургом, и многие жители города были обязаны ему своими спасенными жизнями.

Мусе изначально тоже прочили профессию врача. Но мальчик был не согласен с таким выбором. Как и многим еврейским детям, ему уже в пятилетнем возрасте дали в руки скрипку и заставили играть гаммы. Отец не без оснований полагал, что такие занятия в будущем помогут Мусе во врачебной деятельности. Скрипка развивает чувствительность пальцев и точность движений. А эти навыки крайне нужны в хирургии, где про-мах в несколько миллиметров может стоить пациенту жизни.

Но вышло так, что Муся полюбил скрипку настолько пламенно и страстно, что ни о какой другой профессии, кроме музыканта, и слушать не хотел. У Муси открылся настоящий талант. Уже вскоре о юном вундеркинде начали писать местные газеты. А в начале 1941 года его пригласили участвовать в Первой республиканской олимпиаде художественной самодеятельности Молдавии, которая должна была пройти в конце июня.

«ПОГИБАТЬ - ТОЛЬКО ВМЕСТЕ»

Но этому не суждено было сбыться. 22 июня войска нацистской Германии вторглись в СССР и обо всех олимпиадах пришлось забыть на несколько лет.

Вскоре семью эвакуировали на восток, на Кубань, в станицу Усть-Лабинскую. Здесь Владимира Пинкензона определили хирургом в военный госпиталь, а Муся пошел в школу № 1, где его и приняли в пионеры.

«Впервые я увидел Мусика, когда его ввела в класс директор нашей школы

МУСЯ, ИГРАЙ!

Петровская, - рассказывает его одноклассник Владимир Забашты. - Мальчик небольшого роста, в светлой рубашке, в коротких штанышках смело вошел в класс. Шел урок географии, вела его Елена Сахно. Я сразу же подружился с ним, и домой мы пошли вместе. Муся часто играл на скрипке у меня дома. На вопрос «Кем ты хочешь быть?» он твердо отвечал: «Только музыкантом!»

Так продолжалось без малого год. Но в августе 1942-го немцы совершили резкий бросок и без боя заняли станицу. Наступление было настолько

стримительным, что эвакуировать госпиталь и его сотрудников не успели. Жителям, особенно евреям, категорически, под страхом расстрела, запретили покидать город.

Владимир Забашты рассказывал, что не раз предлагал Мусе уйти на хутор к знакомым, но тот неизменно отказывался: «Погибать - так всем, всей семьей».

Осенью семью Муси арестовали, как и почти все другие еврейские семьи Усть-Лабинска. Им было сказано, что их отправляют в эвакуацию, но вместо этого привезли в городскую тюрьму. Откуда ежедневно куда-то увозили по тридцать - пятьдесят человек.

5 декабря подошла очередь Пинкензона. Муся взял с собой и свою скрипку.

ПОСЛЕДНЕЕ СОЛО АБРАМА ПИНКЕНЗОНА

В закрытый кузов люди были набиты так плотно, что им невозможно было пошевелиться. Все вместе: мужчины, женщины, старики и дети. В полной темноте они ехали минут сорок, от нехватки воздуха многие теряли сознание, но упасть на пол им не удавалось, они так и повисали, захваченные соседями.

Наконец машина остановилась,

двери фургона распахнулись, и мордатый полицай, с плечами в стороны, приказал:

- Слезай, живовня!

Отец Муси спрыгнул на землю сам, а вот дедушке и бабушке, которым было уже за восемьдесят, пришлось помогать.

Муся хорошо знал место, на которое их привезли. Это был вал старой суворовской крепости, на который они с местными пацанами не раз ходили. Сейчас здесь, у основания вала, была выкопана глубокая, в рост человека, а то и глубже, яма, на краю которой всех и выстроили. Что произойдет дальше, всем было ясно, но сопротивляться не имело смысла: вокруг стояли вооруженные, с автоматами на изготовку, немецкие солдаты и местные полицаи. Руководил операцией германский офицер, неожиданно хорошо говоривший по-русски.

- Герр офицер, - обратился к нему Владимир Пинкензон, - здесь есть дети. Я вас прошу, пощадите их. Они ни в чем не виноваты.

Офицер подошел к нему вплотную:

- Ты кто?

- Я врач, хирург Владимир Пинкензон.

- Ты не врач, ты мертвец.

Раздался выстрел, и отец Муси упал. Из строя к нему рванулась Феня, но и она рухнула замертво. Тщетно бабушка Муси пыталась закрыть лицо внука подолом юбки, повернуть его к трагедии спиной, он все видел и все понимал. Слез у мальчика не было, не было и ужаса, была какая-то зияющая и звенящая эхом двух выстрелов пустота. А снизу, из этой пустоты, поднималось какое-то другое, ранее неведомое ему чувство, которое обжигало

сознание и душу. Муся не сразу понял, что это была жгучая ненависть. Он не отрываясь смотрел на

лежащих маму и папу, самых дорогих ему людей, смотрел так, как будто хотел впитать в себя эти последние их образы.

Тем временем офицер приказал солдатам изготовиться к стрельбе:

- Sich Vorbereiten!

Палачи подняли автоматы. Но тут Муся вышел из неровного строя и, сделав пару шагов, обратился к офицеру:

- Герр офицер, разрешите, я в последний раз сыграю на скрипке!

Немец усмехнулся:

- Что ж, сыграй. Постарайся, если хорошо сыграешь и нам понравится - может, и не в последний получится.

- Я хорошо сыграю, вам понравится, - пообещал мальчик и поднял скрипку.

Смычок взмыл вверх и опустился на струны. Муся даже сам удивился, как хорошо у него все получилось. Так он не играл никогда, да что он, так никогда не играл сам Паганини. Музыка рвалась даже не из инструмента, она рождалась прямо в пространстве и стремительно разлеталась вокруг.

Немец не сразу понял, что именно играет мальчик. Да что немец, даже полицаи не сразу в это поверили. Это было невозможно, нереально, чтобы стоящий на пороге смерти еврейский мальчишка заиграл такое! Поэтому первые восемь тактов музыка звучала в тишине одна. А на девятый кто-то из строя подпел, а его подхватили еще несколько голосов:

- ...Весь мир голодных и рабов, кипит...

Только тут до офицера дошло, что мальчик играет не что иное, как «Интернационал», в то время гимн СССР. Играет смело, с ненавистью глядя ему прямо в глаза.

- Aufhören! Прекратить! - заорал немец.

Но мальчик играл. А в строю на краю ямы уже пели почти все, и пели все громче. Карателю начал поднимать пистолет, но неожиданно обернулся к солдатам и дал команду стрелять:

- Feuer!

Раздалось сразу несколько автоматных очередей. Что-то очень сильно толкнуло Мусю в грудь, но он устоял, только рука со смычком ушла вправо. Потом был еще толчок, и еще... Боли не было, было только жгучее желание доиграть эту смертельную для врага музыку, но после очередного толчка он упал на землю, продолжая прижимать скрипку к подбородку. Удивительно, он знал, что музыки быть не могло, поскольку рука уже не управляла смычком, но она продолжалась. И звучала в голове все громче. А уже сквозь нее откуда-то издалека неслось: «...С Интернационалом воспрянет...»

Его личный бой с немцами продолжался всего одиннадцать секунд. И он победил.

СПРАВКА «СВ»

Всего фашисты расстреляли и закопали у старой суворовской крепости в Усть-Лабинске 387 человек, среди которых было 116 мужчин, 194 женщины и 77 детей. 35 из них были русские, остальные - евреи.

После войны на месте расстрела Муси Пинкензона был установлен памятник, а в городе Бельцы его именем названа улица.

Мемориал на месте зверской расправы.